

Инна Баринская

*Детектив
сильных
страстей*

Свой ключ
от чужой двери

Инна Юрьевна Бачинская
Свой ключ от чужой двери
Серия «Детективный триумвират», книга 6

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4954918
Свой ключ от чужой двери: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61601-5

Аннотация

Свадьба была роскошной. Гости восхищались чувственной красотой невесты и солидностью жениха. Лишь один человек смотрел на происходящее с иронией: Вячеслав Дубенецкий как никто другой знал, насколько его бывшая супруга холодна и тщеславна...

Объявили танец новобрачных, но Лия внезапно потеряла сознание. Как выяснилось, она была отравлена неизвестным ядом... Вячеслав не удивился, когда его вызвали на допрос, – кого еще подозревать, если не бывшего мужа?

Вскоре на пороге дома Дубенецкого возникла странная женщина Мария – она словно специально выбрала время для своего эффектного появления, придя ночью во время грозы. Мария разыскивала сестру, с которой Вячеслав недавно познакомился в парке и провел волшебную ночь, а наутро она исчезла...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Инна Бачинская

Свой ключ от чужой двери

Все действующие лица и события романа вымышлены, и любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Глава 1

Венчание

*И живая тень румянца
Заменялась тенью белой,
И, как в странной позе танца,
Искривясь, поникло тело.*

Н. Гумилев, Самоубийство

Народу в церковь Казанской Божьей Матери набилось как на ярмарку, яблоку негде упасть. Духота страшная, от запаха ладана, оплывающих свечей желтого воска, аромата духов и пота слезятся глаза и ползет щекотно бесконечная струйка вдоль позвоночника. Самое время почесаться: припасть к какой-нибудь твердой ребристой поверхности и владеть повозить по ней спиной. Козьма Прутков определил самое большое удовольствие – почесать там, где чешется. Прав был. Добавить нечего. Как и не обо что почесаться.

Принесла же меня нелегкая на это мероприятие! Стою, вспотевший, злой, сдавленный толпой. С одной стороны напирает моя бывшая коллега Рита Марковна Атаманенко, устрашающих размеров букет незабудок на ее шляпе норовит выколоть мне правый глаз, и я поминутно встряхиваю головой, как лошадь, замученная слепнями. С другой стороны подпрыгивает ее вечная соперница, первая красавица кафедры романо-германской филологии местного педагогического университета Зарецкая Инна Васильевна. Дамы друг друга терпеть не могут, но ради такого случая объединились и с удовольствием оседлали одну метлу.

– Вячеслав Михайлович, – драматический шепот Риты Марковны бьется в моем ухе, – как вы?

Она смотрит на меня соболезнующе, как на смертельно больного, потом переводит выразительный взгляд на Зарецкую. Та, повинувшись сигналу, немедленно вступает со своей партией и верещит мне в другое ухо:

– Мужайтесь, голубчик! Мы с вами!

Обе в восторге от происходящего до такой степени, что это становится просто неприличным. Головы дам крутятся, как на шарнирах – они твердо намерены ничего не пропустить и завтра же подробно отчитаться об увиденном перед кафедрой, деканатом, уборщицами и даже студентами.

Я с удовольствием убрался бы из церкви куда подальше, но, к сожалению, не могу. Положение обязывает. Сегодня в означенном храме венчается раба Божья Лия Нурбекова-Дубенецкая, моя бывшая жена, рабу Божьему Станиславу Удовиченко, моему другу, который ее у меня увел. Двое близких людей, продавших меня за тридцать сребреников. Каждый. Или в сумме? Между нами говоря, спасибо Стасу. Но об этом – потом. И вот вместо того, чтобы вызвать его на дуэль или хотя бы дать в морду, я, демонстрируя наши высокие

отношения, появился в церковь с каким-то паршивым, облезшим от духоты букетом и стою в первых рядах гостей на свадьбе, привлекая внимание окружающих ничуть не меньше, чем невеста в ослепительном белом туалете и пышной фате, символизирующей чистоту, и жених – торжественный, распаренный, толстомордый, в смокинге с бабочкой. Они венчаются, видите ли. Глубоко верующие, богобоязненные, не убий, не укради, не пожелай жены ближнего своего, не, не, не... Скромный блеск бриллиантов в свете электрических свечей на прекрасной шее, глазки потуплены, в руках скромный пучок белых орхидей, в облике невинность. Ха!

Две ведьмы по бокам от меня не упускают ничего из виду. Они ухитряются смотреть на меня, на Лию, на Стаса, на публику в церкви и друг на друга одновременно, навечно фиксируя в памяти туалеты, прически, ювелирные изделия и выражения лиц. Время от времени то одна, то другая награждают меня сочувствующим тычком под ребра, напоминая: «Мы здесь! Держись!» Как будто я, сдавленный обеими, как начинка бутерброда, могу забыть об этом!

Прекрасное лицо Лии сияет. Огромные темно-карие глаза туманятся чувством, чувственный вишневый рот улыбается, безупречная фигура, чуть располневшая, удивительно женственна, пышная грудь в волнении вздымается. И орхидеи. Скромные, бело-зеленые, чистые, как помыслы младенца. И жених, мужественный, грузный, солидный, уважаемый столп общества. Отличная пара!

...Лия была моей студенткой. Папу-генерала Нурбекова перевели из Западной группы войск в наш военный округ. Я помню, как она впервые появилась на занятиях – восточная красавица, Шахрезада, Шемаханская царица, сладкая, как рахат-лукум, благоухающая, как все благовония Востока, с улыбкой, как... как... у всех райских гурий, вместе взятых. При взгляде на нее немедленно вспоминались хайямовские рубаи, что-нибудь вроде: «Счастлив тот, кто в объятьях красавицы нежной по ночам от премудрости книжной далек». Остальные девочки из группы сразу поблекли – куда им было до генеральской дочки! А та сразу положила на меня глаз. Во время занятий уставится своими бездонными бархатными громадными глазницами и загадочно улыбается. Но я, стреляный воробей, ноль внимания. Не она первая! Расхаживаю по аудитории, шучу с барышнями-студентками, размахиваю правой рукой с зажатой в ней пустой трубкой, левая в кармане твидового пиджака. Объясняю феномены теоретической грамматики английского языка. Тот еще курс, нужно заметить. Одни сослагательные наклонения чего стоят! Не до восточных красавиц.

Девчонки заметили ее пассы и мою индифферентность, радуются и злорадствуют. Так они ей и отдали своего любимца, полного иронии англомана с коллекцией обалденных пиджаков, включая один замшевый, интеллектуального спортсмена-перворазрядника по академической гребле, единственного приличного на вид преподавателя в нашем женском монастыре, которому к тому же не за семьдесят. Холостяка, между прочим.

Красавица метала стрелы взглядов, от которых останавливалось сердце. Я в ответ иронически приподнимал бровь. Она – флюиды обаяния, как кальмар чернила, я – еще более иронически заламываю бровь и «неуд». Вот вам! Она, бедняжка, даже растерялась с непривычки. Но сдаваться не собиралась. Отозвала войска, перегруппировалась, изменила тактику и начала боевые действия по всем правилам военного искусства. Папина дочка. Стала задавать вопросы. Ловить меня в коридоре и класть свою прекрасную ручку на мой рукав, в пустых аудиториях склоняться над непонятым местом в конспекте, щекоча ароматными завитками волос мое ухо, провожать домой, вызывая зависть до хруста шейных позвонков во встречных мужиках. То ей одно непонятно, то другое. А я, полный иронии, с трубкой, в клетчатом шарфе, стоял насмерть, как римлянка Лукреция ¹, оберегающая свою честь. «Вы

¹ Лукреция (ок. 500 г. до н. э.) – римская женщина, славившаяся своей красотой и добродетелью; ее образ был необычайно популярным в западноевропейском искусстве эпохи Возрождения.

откройте учебник, – советую, – на странице семьдесят восьмой и почитайте. Очень ясно изложено, между прочим». Кстати, изложено отвратительно, но не будет же она читать учебник на самом деле! Лия из тех студенток, которые никогда ничего не читают. Разве что иллюстрированные журналы и рекламу.

После легких орудий Лия двинула против меня тяжелую артиллерию. Узнав адрес, явилась ко мне домой под дурацким предлогом озабоченности собственной успеваемостью. Снежинки таяли на бровях и в черной гриве и сверкали, как алмазы, лицо горело смущением, а глаза... в глазах – призыв и мольба. «Я вас слушаю», – сказал я сдержанно, устроившись за письменным столом напротив – в серебряной египетской пепельнице дымится трубка, сладкий дым табака висит в воздухе, мерцают благородной позолотой корешки книг... Антураж вполне, так сказать. И она, робкая и смущенная...

Продолжалась эта канитель полгода, после чего я сдался. Выбросил белый флаг и пал. На обеде у них в доме попросил ее руки и получил родительское благословение. Папа-генерал озадаченно поглядывал на меня, не зная, с какой стороны подступиться – сожаления о блестящем порученце из «своих», прежнем кандидате в женихи, смутно отражались на его крупном узкоглазом лице. Мама, удивительно моложавая дама славянских кровей, блондинка, была, кажется, рада.

– Пусть хоть Лиечка поживет спокойно, – шепнула на прощание, – без тасканий по казармам и гарнизонных сплетен! Уж я-то нахлебалась за двоих! А мы с отцом обеспечим!

В ее простодушном обещании таилось глубокое неверие в мою способность прокормить семью. Во время обеда она оживленно рассказывала о младенческих годах моей будущей жены. О кори, коклюше, дифтерите, простудах, диатезе и красоте, проявившейся уже в раннем возрасте, а также о всеобщей любви и восхищении окружающих. Послушать ее, так Лия в детстве из болезней не вылазила, но была при этом первой красавицей в детском саду, школе, гарнизоне и генштабе. И теперь вот в вузе. Так что мне, можно сказать, повезло. И папа-генерал в придачу. Старшая сестра Лии Нонна, смуглая, серьезная до мрачности, с диковатым взглядом раскосых глаз девушка, просидела весь обед молча, уткнувшись в свою тарелку. Мое обаяние на нее не подействовало. Мне даже показалось, что она меня не заметила.

К моему изумлению, Лия, пылкая во время жениховства, во-первых, оказалась фригидной. А во-вторых, по паспорту она была не Лия, а Лолита. Лолита Нурбекова! Иногда меня посещала мысль: да знай я раньше, что она Лолита, я бы, возможно, никогда!.. Интересно, знают ли родители Лолит, кто такая Лолита? Читали ли? Или просто слово понравилось?

Очи страстные, с чертиками, львиная грива, раздувающиеся от страсти ноздри крупноватого восточного носика – все это оказалось потемкинскими деревнями. То есть Лия не была в полном смысле фригидной, некоторый опыт у нее все-таки имелся, и желания просыпались время от времени. Но обещала она больше, чем давала. Позже я понял, что для нее главное – блистать на публике, вызывая восхищение масс, поражать, слушать охи-ахи, царить в душах и попирать поклонников ногами, поддерживая репутацию роковой женщины. А тут какой-то надоедливый мужик в единственном числе пристает в постели, чего-то ожидает, требует, руки тянет... Павшая и разграбленная крепость уже не нужна завоевателю, и он бросает ее на милость сорных трав и воющих шакалов.

Кто-то из-за нее стрелялся в гарнизоне, не до смерти, к счастью; мордобои случались. Один раз на моих глазах – глазах законного мужа. Подрались два типа откуда-то из глубинки. Один с ней танцевал, а другой тоже хотел, а тот, первый, не позволял. Мне было стыдно, как никогда в жизни, а Лия, раздувая ноздри, сияющим взором следила за ходом поединка, не обращая ни малейшего внимания на мои настырные попытки увести ее прочь. Прекрасной варварке хотелось зрелищ и вечного праздника. Между делом – поездок на иноземные курорты, бриллиантов, мехов, дорогой еды и баснословно дорогой одежды в невероятных

количествах. Она не могла принадлежать одному мужчине, с ее точки зрения, это было бы нечестно по отношению к другим.

Кухня? Ну уж нет! Равно как и учеба. С грехом пополам дотянула моя жена до диплома – профессура стонала от ее ответов, посещаемости, а академические дамы – еще и от туалетов. Рита Марковна, ведущая разговорную практику, говорила, закатывая глаза: «Вячеслав Михайлович, при всем моем к вам уважении, выше «удовлетворительно» – никак, поймите меня правильно!» Конечно, я ее понимал правильно и чувствовал себя отцом дебильного недоросля, у которого, как делился в кулуарах профессор Баран Николай Евменович, историк, одна извилина, да и то прямая. Рита Марковна, с которой он делился, мне же и донесла.

Николай Евменович Баран – ходячая легенда и ходячий анекдот нашего вуза. Фамилия Баран хороша тем, что носящему ее человеку никогда не дадут кличку. Зачем? Все равно лучше не выдумашь. У доцента Савина, например, кличка Кошей Бессмертный, или просто Кошей, из-за клацающих железных зубов; профессор права и менеджмента, Гилярий Альбинович Нижник, проходит под кличкой Нужник; профессор философии Петр Гаврилович Меркулов, с лысой, как бильярдный шар, головой, известен как Фантомас, причем кличка тянется со времен выхода на экран популярного французского фильма и передается по наследству от выпускников молодняку, который скорее всего и не знает уже, кто такой Фантомас. Ваш покорный слуга – Милорд. Мне не особенно нравится, так и представляешь себе изнеженного фата в кружевных манжетах. Но не я же ее себе выдумал – *vox populi*², так сказать.

Скучаю я по институту, что и говорить. Моя альма-матер... То есть теперь это уже университет – новые времена, новые игрушки. Сначала я учился там, потом преподавал... Хорошо было тогда – физиологии больше, чем интеллекта, и прекрасное пищеварение. Профессор Баран читал нам историю. Я подавил смешок. С ним казус как-то раз приключился в незапамятные времена – он умудрился получить новую кликуху прямо на международном семинаре по археологии, который по традиции раз в три-четыре года проводился в городе по инициативе кафедры истории нашего вуза.

Обстановка в тот памятный день была самая торжественная, присутствовали видные ученые из соцстран, наша профессура, представители культуры, пресса, разумеется, мы, студенты, члены обществ любителей истории и археологии, нумизматики, сфрагистики³ и т. д., а также передовая общественность и коллекционеры-единоличники. В президиуме – гость из Польши, Януш Карчмарский, два профессора из Германии, один – Иоганн... не помню фамилии, что-то похожее на «Шнапс», другой – Детлеф Ганусяк из Берлинской академии; парторг института Андрей Милованович Шмыгало, профессор Баран. И другие замечательные лица.

Ну, доклады там, приветственные речи, то да се, атмосфера официальная и приподнятая. Под занавес, когда основная программа была выполнена, к микрофону мелкими рыбешками рванулись разномастные кружковцы. Одним из первых – археолог-любитель, пенсионер Родион Германович Ворона. Мы, студенты, экстатически засучили ногами, предвкушая зрелище; у Шмыгало отвисла челюсть; председатель растерялся и упустил драгоценную минуту, а пенсионер-археолог, в прошлом бухгалтер фабрики индпошива обуви, бодро цепляясь за колени аудитории, уже пробирался к сцене. Почему, выйдя на заслуженный отдых, Родион Германович ударился в археологию, никто толком не знал. По слухам, нашел у себя в огороде серебряную монету Карла IV, занесенную, видимо, наполеоновскими солдатами, а может, какими-нибудь шведами, и заболел краеведческой горячкой. Его коньком была хро-

² *Vox populi* (лат.) – глас народа.

³ Сфрагистика (от греч. σφραγίς – печать) – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая печати (матрицы) и их оттиски на различных материалах.

нология поселений древних славян и перевалочные форпосты на пути из варяг в греки. В тот памятный день он подготовил сообщение на тему «Проявления тотемизма и фетишизма в религиях древних славян», где, спотыкаясь на трудных словах, доказывал, что всякое древнеславянское поселение «имело свое божество в форме материального фетиша, но значительно чаще в виде животного-тотема, образующего мир мифических первопредков общественных групп-родов».

Если отбросить шелуху, то смысл его сообщения сводился к тому, что при закладке фундамента жилых помещений, «домов, как говорится», наши предки, оказывается, приносили в жертву черного барана, а не козла, петуха или других животных, как упоминает ряд уважаемых отечественных и зарубежных историков в своих монографиях.

Войдя в раж и брызжа слюной, Ворона кричал с кафедры:

– Баран! Черный баран! Черный баран с рогами! Шерсть черного барана... баран, барану, барана... с рогами!

Студенческий контингент был в отпаде. Иностранцы, сидевшие в президиуме и не понимавшие ни слова, кроме «баран», были уверены, что речь идет об их ученом коллеге – приветливо кивали ему, улыбались и жестами показывали, что хоть и не все понимают, но главное ухватили и присоединяются к оратору в его похвальном слове. Профессор Шнапс поднял кверху большой палец, потом сцепил руки в замок и потрясал ими над головой.

Профессор Баран наливался краской. Председатель, побледнев и хватая воздух в предчувствии последствий, пискнул:

– Регламент!

Его поддержал парторг, но Ворону голыми руками не возьмешь.

– Сию минуточку, – умильно улыбался он, прижимая ладони к груди, – совсем чуток осталось!

И еще минут десять склонял жертвенное животное по падежам. Каждое новое упоминание о баране вызывало хохот с задних рядов, потом, смущаясь, захихикала середина, и вскоре весь зал хохотал как на концерте записного юмориста.

– Баран рогатый! С рогами! – кричал, стаскиваемый с кафедры, пенсионер Ворона и цеплялся за ее деревянные бока. – Черный!

В результате уважаемый профессор Баран получил кликуху – Баран Рогатый, что было, конечно, круто.

Кажется, я рассмеялся. Дамы обеспокоенно уставились на меня: у обеих мелькнула мысль, что у меня истерика, или еще хуже – что я от горя сошел с ума. Я успокоил их печальным взглядом и кашлянул. Они выразительно переглянулись.

Жужжание голосов в церкви меж тем стало глуше, румяный священник скороговоркой тарабанил свой текст на старославянском, что-то спрашивал, молодые отвечали утвердительно и отпивали из массивного золотого кубка. Ходили вокруг анаоя. Свидетели – подруга Лии Лара Бекк и телохранитель Стаса Эдик Исоханов – держали венцы у них над головой и ходили следом. Эдик запутался в шлейфе свадебного платья и чуть не упал, но венец из рук не выпустил. «Какой прекрасный обряд, – думал я. – Интересно, насколько он переменялся со времен Киевской Руси?»

Золотые солнечные лучи пронизывали пространство храма. Мама Зинаида Дмитриевна, растроганная, рыдала; присутствующие дамы промокали глаза носовыми платочками; у Нонны был вид человека, которого донимает зубная боль. Завидует счастью сестры, не иначе. Полковник-музыкант Сидоров, новый муж Зинаиды Дмитриевны – генерал Нурбеков скончался четыре года назад во время сердечного приступа, – стоял тут же, поддерживая жену под локоть. С выражением торжественно-озабоченным и слегка растерянным из-за толстых линз очков – полковник сильно близорук.

Молодые меняются кольцами. Шепот восторга в толпе. В католическом обряде в этом месте священник обращается к присутствующим со словами, что, если, мол, кто-то располагает сведениями порочащего характера, то давайте, не стесняйтесь, выкладывайте, пока не поздно. Ведьмы подглядывают за мной, как, мол, реагирует, не затуманилось ли чело, не жалеет ли, что упустил лебедушку, не собирается ли упасть на пол и забиться в падучей. Инна Васильевна на всякий случай берет меня под локоть и кладет голову на плечо. Я слышу резкий запах ее духов. Рита Марковна твердо решила выколоть мне правый глаз своими лакированными забывками.

Скорее бы занавес!

* * *

Банкетный зал ресторана «Метрополь» – «марьяжный чертог» – сиял белоснежными скатертями, хрусталем и столовым серебром. Цветы, цветы, цветы. Музыка, музыка, музыка. Золотые воздушные шары в форме сердца и почек с разными надписями. Фотовспышки. Нарядная толпа. Смех, возгласы, визг женщин, сдержанные басы мужчин. Все шумно рассаживаются согласно рангу. Водомерками скользят служители, помогают найти места. Я – справа от жениха, рядом со свидетелем, в почетных гостях, как же – друг, деловой партнер, бывший муж, наконец. Около меня – сестра Нонна, неулыбчивая, почти угрюмая, уткнула взгляд в стол.

Лия нежно смотрит на меня, в глазах ее обещание. С нее станется. В городе Лию называли Шемаханская царица. Смотреть на нее одно удовольствие, не то что на Нонну. Сочный полураскрытый рот, затуманенные глаза, пышная грудь... впрочем, про грудь я уже упоминал. Иногда мне казалось, что Лия не живая женщина, а лишь декоративная модель таковой, функционирующая исключительно на публике. «А может, это моя вина, – думал я самокритично, – может, это я не сумел разжечь в ней огонь страсти?» Необходимо заметить, что разочарован я был лишь поначалу, а потом почувствовал скуку и безразличие и с любопытством наблюдал за ее ненасытной жаждой развлечений. Скажи кому – не поймут. Почему я не ревновал Лию? Не устраивал сцен? А лишь злорадствовал при виде нового поклонника, пускающего слюни, предающегося альковным мечтам и получающего вместо ослепительного фонтана страстей тонкий ручеек дохлого секса? Черт его знает! Такое я мерзкое животное, должно быть... с извращенным чувством юмора, о чем она мне, кстати, не раз говорила.

Может, потому, что мне нравятся женщины, с которыми есть о чем поговорить. Например, Соня Ивкина, тоже коллега, преподаватель истории языка, с которой мы... в свое время были достаточно близки, и, кто знает, если бы не Лия...

Я вздохнул. Сонечка... Сонечка – бедный скромный полевой цветочек, проста во вкусах и одежде, притом умна, интеллигентна, начитанна. Поговорить с ней – одно удовольствие. «Если бы интеллект Сонечки да смешать со статями Лии, – иногда лениво думал я, – вот тогда бы... да!»

Почему мы не разбежались? Да все как-то... руки не доходили. Детей, слава богу, не завели, и на том спасибо.

Нужно признать, что Лия была не совсем уж никчемной. Со страстью окунулась она в раскрутку фонда «Экология», нашего со Стасом детища, проявляя недюжинные организаторские способности, и даже талант. Принимала гостей, украшала залы, составляла меню. Ей, например, принадлежала идиотская, с моей точки зрения, идея снять городской исторический музей для празднования трехлетнего юбилея фонда. Но Стас заинтересовался.

– А что, музей – это хорошо, – сказал он задумчиво. – А то рестораны всем уже надоели. Всякий жлоб может отметить в ресторане, были бы деньги.

Идея оказалась весьма плодотворной, что доказывает: и дуракам нужно иногда давать высказаться.

Директор музея, заморенный очкарик, стоял насмерть – ни за что! Но, припертый к стенке изрядной суммой, которую можно было пустить на ремонт протекающей крыши, сдался со слезами на глазах, чувствуя себя классовым изменником. Самые ценные экспонаты, во избежание, спешно спрятали в кладовые и навесили на двери амбарные замки, а крупные, вроде помещичьей мебели, крестьянских телег и ветряка, оставили под бдительной охраной служителей музея. Во время банкета то тут, то там мелькали их бледные испуганные физиономии. Гости фотографировались на фоне мельницы, в телеге и в фамильных креслах старой местной знати. Все были страшно довольны.

– Горько! – закричал тамада, отвязный молодой человек с плешью и зычным голосом ярмарочного зазывалы, возвращая меня в марьяжный чертог.

– Горько! – подхватили гости.

– Горько! Горько! Горько!

Лия поднялась, поправила платье, Стас, окинув собрание взглядом поручика Ржевского, склонился к ее устам. Я почувствовал, как напряжение Нонны передается мне, и прикоснулся к ее руке – не чужая ведь, почти сестра. Ее рука была ледяной.

– Танец жениха и невесты! – объявил неугомонный распорядитель, махнув рукой музыкантам.

Те, поспешно плотая непрожеванные куски, поднялись со своих мест. Сладко и томно запели скрипки – Штраус, «Над прекрасным голубым Дунаем».

Жених протягивает руку невесте, ведет ее на середину зала, прямо под ослепительно сияющую хрустальную люстру.

Трам, трам, трам-пам-пам! Они кружатся по залу, несется за невестой легчайшая, как крыло бабочки, фата, а она, подхватив рукой шлейф платья, улыбаясь, говорит что-то мужу... Гости растроганы. Красивая пара! Трам-пам-пам! Трам-пам-пам!

Вдруг невеста сбивается с шага, поднимает руку к горлу и как-то странно оседает на руки жениха. Голова ее запрокидывается, венок с фатой падает... Стас, не в силах удержать ее, опускается вместе с ней на пол и растерянно оглядывается. Гости вскакивают с мест. Что случилось? Невеста в обмороке. Оркестр начинает играть вразнобой и наконец окончательно смолкает.

– Разойдитесь! – кричит тамада. – Откройте окна!

Мать невесты с отчимом поспешно выбирают из-за стола, спеша на помощь. Нонна сидит, вцепившись руками в край стола так, что побелели косточки, недвижима. Я вскакиваю с места и тоже бегу со всеми в центр зала, туда, где сидит на полу мой друг-соперник Стас, держа на руках прекрасную Лию.

– Врача! «Скорую»!

Врач оказался среди гостей. Он важно берет руку Лии, ищет пульс, хмурится. Прикладывает пальцы к шее, оттягивает веко, заглядывая в глаз. Не поднимаясь с колен, разводит руками. Немая сцена – все ошеломленно переглядываются.

Мужчины осторожно поднимают Лию и переносят ее на банкетку у стены. Все сбились в кучки, все возбуждены, кто-то плачет, с кем-то истерика. Суэта, приглушенные голоса, неуместные звуки разухабистого мотивчика из соседнего зала, где гуляет другая свадьба. Хаос.

Я смотрю на Лию, мою бывшую жену Лию – жадную, ненасытную, лживую и нахальную, и чувствую спазм в горле и жжение в глазах. А она, впервые спокойная на глазах толпы, совершенная, без малейшего изъяна, равнодушно смотрит невидящими глазами в потолок, на котором нарисовано голубое небо и караван белых птиц, похожих на аистов. От красоты ее захватывает дух.

Сбоку на банкетке, закрыв лицо руками, сидит мой друг, молодожен Стас Удовиченко.

Глава 2

Из дневника рефлекслирующего интеллигента

*И кажется: в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.*

Н. Гумилев, Капитаны

...Мифы и легенды. Жизнь среди мифов, легенд и стереотипов. Полная оторванность от реальности и полный субъективизм. Взять хотя бы этот, миф номер один, интернационально-основополагающий – добро побеждает зло. Социальное поглаживание и социальный онанизм, пытающийся выдать случайность за закономерность, равно как и миф номер два – все будет хорошо! И самый вредоносный – каждому воздастся по заслугам. Ура! Чушь собачья. Если и воздастся, то чисто случайно.

«Киллер Иванов случайно, по недосмотру, нажал на спуск револьвера во время чистки личного оружия, забыв его разрядить, и снес себе полчерепа, а глушителем звездануло прямо по экрану телевизора, где выступал известный политический экстремист господин N. Негодяю воздалось по заслугам!» – радостно сообщает какая-нибудь «Правда Мухоморюпинска». Всеобщее ликование: есть справедливость на свете, есть! Грузная, с квадратной челюстью дама в развевающихся одеждах, с повязкой на глазах, щитом и мечом, или нет, не щитом, а весами, пролетая над миром, случайно сбилась с пути, попала в наши широты и случайно подтолкнула белоснежным крылом руку киллера Иванова – и свершилось! Ему воздалось. Дождались торжества справедливости, можно сказать.

Дети! Ах, дети! Миф номер четыре. Наше продолжение, будущее, надежда и опора. Сейчас, правда, особенно насчет этого мифа не напрягаются в натуре, но тем не менее... «Дети – это те же взрослые, только маленькие!» – выдал в свое время непревзойденный Аркадий Бухов.

...Концерт в берлинском мюзик-холле «Палас», куда мы с Лией попали, можно сказать, случайно. Кто-то сдал в кассу билеты, а мы как раз подошли и... повезло!

Отто Бубке, любимец публики, жидкий блондинистый тенор нордического типа с безукоризненными зубами и пробором до оскомины сладко пел душещипательную песню, таская по сцене коляску в оборках с младенцем. Причем настоящим. Он трогательно склонялся над коляской, поправляя оборки. Сентиментальные немки в зале полезли в сумочки за носовыми платками. Потом он извлек младенца из коляски и таскал его по сцене уже на руках. Женщины, не таясь, плакали. А когда этот прохв... этот Отто поведал аудитории, что «их с сынишкой только двое на целом свете, так как мамочку добрый боженька... это самое...», тут уже и сильный пол не выдержал и взрыдал. Отто Бубке долго не отпускали. Сопли, шмыганья, вздохи, всхлипы, как на похоронах, когда народ еще трезвый и помнит, зачем собрался, заполнили пространство «Паласа». Тут вдруг младенец описался. Папе Бубке удалось сдержаться, и он, криво улыбаясь, держал сына на вытянутых руках и наблюдал резвую струйку, сверкающую в лучах рампы. Зал от рыданий перешел к радостному гоготу. Овации продолжались минут пятнадцать.

Лия, к моему изумлению, прослезилась. И я подумал, а что, если у меня... у нас... Ни за что! Болезни, сопли, вопли, памперсы, первый зуб! Нет уж, увольте. Может, когда-нибудь,

лет через сорок... Я понимаю, дети – радость жизни, твое продолжение, смысл и все такое... Я не против, пусть, но не сейчас!

Миф о любви, номер... какой там по счету? А, неважно! Мифы, как карты, можно тасовать и раскладывать в любом порядке. Любовь! Слово-то какое слюнявое, лю-ля-ли-раз-люли-малина-розовые-сладкие-слюни! Обыкновенная болезнь вроде гриппа или расстройства желудка. Бывает затяжная – эта уже тянет на геморрой в натуре. Очень емкое выражение, кстати. «В натуре!» – и никаких гвоздей. Великий и могучий не стоит на месте, а мчится вперед, охваченный прогрессом. Если выбирать между расстройством желудка и геморроем – я за первое.

Скоропостижно схватило, промчалось, просвистело – и свободен! Солнце, тучки, небо голубое – оказывается, все на месте, никуда не делось... Собака гуляет – все, как было. Это меня, идиота, не было. Гормоны, конечно, играют и требуют, никто не спорит, но почему-то всегда ожидается большое и красивое, как баранья отбивная в рюшах и листиках мяты. Чтобы ты читал стихи, шекспировские сонеты, например, желательно в оригинале, а она чтобы слушала, была чистая, гордая, любила бродить по улицам вечернего города, непременно под дождем, а в выходные – в лес электричкой. И чтобы говорила: «Слав, мне ни с кем еще не было так хорошо». Боже, какая пошлость! Зачем? Сделать приятное партнеру? Самообман? Замуж пора? А может, не миф, а правила игры? Куда ж они потом исчезают, эти правила, после чего начинается игра без правил? Бои. Самое интересное, веришь ей. Еще как веришь! Ни минуты не сомневаешься – ей ни с кем еще не было так хорошо! Грудь – колоколом, хвост – павлином, головка горделиво поднята. Голова то есть.

И так далее. Ненавижу! Не-на-ви-жу!

Господи, как я устал!!!

А с другой стороны – никто никому эти мифы не навязывает. Мы сами хватаемся, тянем дрожащие ручонки за блестящей цацкой, поглубже загоняя мысль, что грош ей цена. И остаемся у разбитого корыта. Ни любви, ни настоящего, ни будущего и печальный опыт, который все равно ничему нас не научит. Кто меня заставлял жениться на Лии? Путаться со Стасом Удовиченко? Закрывать глаза и уши, отводить глаза, притворяться, что все о'кей?

Так что нечего тут! Нечего разводить голубую муть. Сам вляпался по полной... сам разгребай. А с другой стороны – кому сейчас хорошо?

Бедная Лия...

Глава 3

Старлей Коля Астахов

– Вот тут яблоки и кефир, – сказал старлей Коля Астахов своему начальнику Кузнецову Леониду Максимовичу, пристраивая внушительных размеров пакет в пошарпанный холодильник в углу палаты.

– Не надо, – отвечал Кузнецов, – у меня всего полно. Кефира – так точно до самой смерти хватит. Я его терпеть не могу. Никогда не мог.

– Вам теперь лучше бы на кефир перейти, – вздохнул Коля. – Вид, как у... – он вовремя прикусил язык. – Короче, надо завязывать, печень – дело такое...

– У меня наследственное, – сказал Кузнецов, задетый бестактностью подчиненного.

– Что и обидно! Страдать – так за дело.

– Ладно, – прекратил Колины философские рассуждения Кузнецов. – Давай по существу!

– Хорошо вам! Терпеть не могу такие дела. Все лезут, звонят, требуют результатов...

– Хочешь вместо меня?

Коля задумался. Потом сказал:

– Нет, я лучше завяжу. – Многие вещи он понимал буквально. – Значит, так... Жертва – лицо известное в городе, известный общественный деятель Лия Вердиевна Дубенецкая, возраст – тридцать два года, профессия – организатор в фонде «Экология». Что значит организатор? Ну, связь с общественностью и прессой. Пиар. Организует, утрясает, встречает. Представляет, одним словом. Двадцать девятого марта сего года, в двенадцать ноль-ноль венчалась в церкви Казанской Божьей Матери с генеральным директором фонда Станиславом Николаевичем Удовиченко. На мероприятии также присутствовал ее бывший муж, Дубенецкий Вячеслав Михайлович.

– Понятно. Значит, это случилось на свадьбе его бывшей жены с партнером по фонду? – спросил Кузнецов.

– Ну! Дубенецкий до фонда работал на кафедре романо-германской филологии пединститута, ныне университета, она была студенткой. Около пяти лет назад они с Удовиченко открыли фонд «Экология» по охране окружающей среды. Заведение имеет статус неправительственной организации, чуть ли не в ООН зарегистрировано. На документах – логотип Объединенных Наций. У меня с собой листовка, покажу потом. Работают с «зелеными», осушают болото, что за химкомбинатом, высаживают елки-палки, всякой фигней занимаются, одним словом, но дела идут. Спонсоры, презентации, связь с границей, поездки, симпозиумы.

Дубенецкий этот... неприятный тип. Говорит с тобой, как с двоечником. Я не удивляюсь, что она его бросила. Присутствовала также и семья невесты – мать, отчим и сестра. Из близких – свидетельница Лара Бекк, студенческая подружка, и свидетель, дружок жениха и, как я понимаю, телохранитель – Эдик Исоханов, не из наших, лицо кавказской национальности. Сестра, между нами, страшная, ночью увидишь – закричишь, старая дева. Подруги, друзья, знакомые, всякие случайные прохожие набились. Целая толпа, одним словом.

– Что дал результат вскрытия?

– Незадолго до смерти жертва приняла некий растительный препарат очень сильной концентрации. В его составе ряд трав – танум и... еще какие-то, забыл названия. Собственно, это и ядом-то назвать нельзя. Им широко пользуются в народной медицине при болях в суставах и судорогах. Я оставлю вам заключение, почитаете на досуге. Около двух примерно ей вдруг стало плохо... Произошло это на банкете, во время танца с женихом. Она споткну-

лась, схватилась за жениха и стала задыхаться. После чего потеряла сознание. Точного времени никто не заметил. Называют разное. Разброс – десять-пятнадцать минут. «Скорая» приехала в два ноль девять, констатировали смерть. Они же перезвонили нам. Работа со свидетелями кое-что дала, но немного. Гости уже приняли на грудь, в церкви с десяти утра занимали места, голодные, пришли, хватили рюмку, другую, были заняты жратвой. Мужики – те вообще мало что помнят. Женщины хоть и рыдали, но намного наблюдательнее. Но все больше типа: «Ах, она побледнела, вскрикнула и прямо на пол!», «Она мне с самого начала казалась какой-то печальной, наверное, предчувствовала свою смерть, бедняжка» и тому подобные дамские замечания. Но все как-то выделяют бывшего, Дубенецкого. Мрачный был, бледный, с Лички глаз не сводил... «Мне казалось, он сейчас расплчется», – описала его состояние одна из свидетельниц.

– Самоубийство?

– Исключается. Не тот тип.

– Тайные хвори, нарушенная психика, склонность к публичным выступлениям? Не могла устроить спектакль напоследок? Как у нее с головой?

– Порядок. Я проверил ее карточку в поликлинике. Здоровая, как... не знаю что. С публичными выступлениями все в порядке. Постоянно на виду, в прессе и на телевидении. Работа такая.

– Значит, убийство?

– Выходит, убийство. Но какое-то нетипичное... Как я уже говорил, Леонид Максимович, это и не яд вовсе...

– Почему же она умерла?

– Лисица считает, что это могла быть реакция на один из компонентов... аллергия. Пока неясно.

– Понятно. Мысли есть? В чем был... яд?

– Условно яд. Не знаем пока. На банкетном столе чисто. Еда, напитки... нигде ничего. Ее рюмка, стакан... тоже чисто. Вот тут копии заключений. Я проверил по минутам весь день, с самого утра. Встали в восемь. Она не завтракала. Удовиченко съел миску пельменей и запил кофе. В девять приехали мать с отчимом, следом парикмахер, визажистка, модельер, который шил платье. Начали одевать невесту и причесывать. Перед самым выходом мать заставила ее выпить кофе из термоса, который привезла с собой. Сказала – пей, а то свалишься в обморок. Приехал лимузин, и они отбыли. Отчим говорит, было почти одиннадцать.

Удовиченко клянется, что не выпускал ее руки. Она не пила ничего, кроме церковного вина. Потом он заскочил на минуту в бар при ресторане, а невеста с матерью уединились для последних наставлений. Потом она заглянула в бар и позвала жениха, и все вместе проследовали в банкетный зал и сели за стол. Все.

– Если яд был в вине, то почему жених не пострадал? Хоть что-то он должен был почувствовать? Что говорит Лисица?

– Лисица говорит, что танум такой концентрации мог вызвать спазм пищевода или желудка... стошнило бы в крайнем случае. Но жених ни на что подобное не жаловался. Он, правда, здоровый мужик.

– Посуду проверили? Бутылку с вином?

– Проверили. Сначала ни в какую не давали, бабульки в крик – святотатство, мол, не позволим! Потом отец Константин разрешил. Нужно оказывать содействие органам правосудия, говорит, даже если они ошибаются. В бутылке ничего, чисто. Серебряный кубок – тоже, из него еще пар десять пили после этого. Все живы-здоровы. Похоже, дело не в вине, но... тогда даже не знаю. Все клянутся, что невеста ничего не пила и не ела до банкета.

– А жених не мог?